

На правах рукописи

Курбанов Ханжан Тажиудинович

**РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ
НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ:
ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА
(на материалах Республики Дагестан)**

23.00.02 - Политические институты, этнополитическая
конфликтология, национальные и политические процессы и
технологии

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Махачкала - 2006

Работа выполнена в Региональном центре этнополитических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук (РЦЭИ ДНЦ РАН)

Научные руководители: кандидат философских наук

Арухов Загир Сабирович

доктор философских наук, профессор
Добаев Игорь Прокопьевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, доцент
Акаев Вахит Хумидович,

кандидат политических наук
Бабкин Игорь Олегович,

Ведущая организация: Дагестанский государственный
педагогический университет

Защита диссертации состоится 30 мая 2006 г. в 14:00 часов на заседании Диссертационного совета Д212.256.06 при Ставропольском государственном университете по адресу: 355009, г.Ставрополь, ул.Пушкина, 1, корп.1-а, ауд.416.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ставропольского государственного университета по адресу: 355009, г.Ставрополь, ул.Пушкина, 1.

Автореферат разослан «29» апреля 2006г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Г.Д. Гриценко

2006А
9911

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Начавшиеся в конце 80-х – начале 90-х XX в. возрожденческие процессы практически во всех известных в России традиционных религиях не могли обойти стороной и ислам, в том числе на Северном Кавказе. Возрожденчество объективно предопределило политизацию и, как следствие, радикализацию мусульманства.

Исламское движение на Северном Кавказе вследствие центробежных процессов оказалось разобщенным, что нашло свое отражение не только в новой институализации официального ислама (вместо единого духовного управления мусульман Северного Кавказа в начале 90-х гг. в северокавказском регионе появилось семь самостоятельных ДУМов), но и в появлении на прежде едином мусульманском поле принципиально новых акторов. Речь идет о многочисленных «исламских» политических партиях и движениях и национальных/националистических организациях, активно использовавших в своей практике исламскую риторику и символику. Эти структуры уже к середине 1990-х достигли своего пика, а затем пошли на убыль, и сегодня серьезного воздействия на политические процессы в регионе не оказывают.

Однако в этот же период, не без воздействия извне, появляются салафитские группировки, некорректно определенные некоторыми исследователями и публицистами как «ваххабитские». Они стали главным оппонентом традиционного и официального ислама. Практически до конца 1990-х северокавказская салафийя была представлена, как и в других регионах «исламского мира», двумя основными крыльями: умеренно-радикальным и ультра-радикальным (экстремистским). Однако события в Чечне 1994-96 гг. открыли двери

для ускоренной интернационализации салафитского движения в регионе. Чеченское «межсезонье» (1996-99гг.), ознаменовавшееся превращением ЧР в полигон международного терроризма, пристанище убийц, торговцев «живым товаром», наркотиками и оружием, позволило развиваться здесь экстремистскому движению, прикрывавшемуся исламом. В свою очередь, это обстоятельство предопределило вторжение банд международных террористов в августе 1999 г. на территорию Республики Дагестан. Общими усилиями федеральных вооруженных сил совместно с дагестанским населением экстремистам был дан отпор. Началась вторая чеченская...

Однако открывшийся позитивизм не был адекватно использован федеральными и республиканскими властями. На адептов салафитии, практически без разбора, было оказано мощнейшее силовое и административное воздействие. В этот же период во многих северокавказских субъектах Федерации принимаются «антиваххабитские» законы. В результате исчезают сообщества умеренных радикалов и одновременно укрепляются позиции религиозно-политических экстремистов. В борьбу с «ваххабитами» активно привлекаются традиционалисты, прежде всего представители «официального ислама», в результате чего традиционалисты неуклонно политизируются и радикализируются. Их противостояние с салафитами идет по нарастающей.

Поражение сепаратистов в Чечне, распыление салафитского движения в других республиках Северного Кавказа трансформировало «сопротивление» частично в «партизанщину», частично в мобильные, слабо связанные между собой террористические группировки. Экстремистский «джихад» со всей неумолимостью растекался по региону. Особенно сложная ситуация сложилась на Северо-Восточном Кавказе – Дагестане, Чечне и Ингушетии. Она, в свою очередь,

предопределила процессы в других республиках – Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии-Алании. Указанное обстоятельство актуализирует исследование феномена религиозно-политического экстремизма, как идеологической доктрины и основанной на ней террористической практики адептов радикальной салафитии в регионе.

Степень научной разработанности проблемы. Религиозно-политическому экстремизму, в целом, и на Северном Кавказе, в частности, посвящено немало разноплановых работ политологического, социологического, философского и др. характера, а также публицистики.

Вместе с тем, следует отметить, что как самостоятельное социально-политическое явление религиозно-политический экстремизм, а также ряд связанных с ним тем (возрожденческие процессы, политизация и радикализация ислама, терроризм под прикрытием ислама), становятся предметом научного осмысления и изучения только в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в.

Вопросам «исламского возрождения», взаимоотношению ислама и государства, идеологическим функциям ислама серьезное внимание уделили И.Л.Алексеев, Г.Р.Балтанова, С.В.Голунов, Н.В.Жданов, Ю.А.Зарахович, М.Ибрагимов, А.В.Малашенко, Г.Б.Фаизов, Ф.И.Хачим и др.

Проблемы политизации и радикализации мусульманства основательно исследовали В.Х.Акаев, С.Е.Бережной, И.П.Добаев, А.В.Егупов, З.М. Залимханов, Р.А.Левшуков, Д.Г.Мирзаханов, К.М. Ханбабаев, А.А.Ярлыкапов и др.

Экстремизм и терроризм под исламским прикрытием разрабатывали или разрабатывают З.С.Арухов, И.П.Добаев, А.А.Игнатенко, Д.Б.Малышева, К.И.Поляков, М.З.Ражбадинов и др.

Ряд исследований посвящен проблеме влияния исламского фактора на военную политику, учету его в боевой деятельности войск (Г.П.Герейханов, П.А.Денисенко, В.М.Дерябин, И.Н.Кудинов, Н.И.Марчук, С.А.Мельков, С.А.Мозговой). Работы З.С.Арухова, Х.В.Дельмаева касаются разработки концепции джихада в исламе. Проблемы конфликтов на этнорелигиозной основе, идеологической мотивации деятельности исламских фундаменталистов, соотношения религиозного и национального факторов раскрываются в работах Д.Б.Малышевой, Э.Томе, М.Хишама.

Отдельные аспекты исламского радикализма затрагиваются также в работах зарубежных авторов (А.Беннигсен, О.Карре, Н.Кедди, Ж.Кеппель, М.Крамер, Ш.Лемерсье-Келькеже, Е.Мортимер, М.Олкотт, М.Родинсон, Я.Рой, О.Руа, Ш.Хантер, Д.Эспозито и др.).

Тем не менее, во многих работах религиозно-политический экстремизм рассматривается в отрыве от его догматических и исторических корней, предпосылок и импульсов. Для преодоления этого изучены труды наиболее известных представителей радикального ислама, среди которых - Таки ад-Дин Ибн Таймийя, Ибн аль-Кайим, Ибн Кассир, Ибн аль-Джаузи, Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб ат-Тамими, Абу Аля аль-Маудуди, Сайд Кутб, Абд ас-Салям Фараг, Фаузан ибн Фаузан, Салих Сарийя, Шукри Мустафа, Юсуф аль-Карадави, Айман аз-Завахири, Абу Мусаба аз-Заркави и др.

Немалое внимание уделено и прессе исследуемого периода – 1991-2005 гг. В этом списке издания, как светского характера, так и религиозные и религиозно-политические исламские произведения. Они воссоздают реальный пласт мнений, идей, позиций интересующего периода новейшей северокавказской истории.

Несмотря на наличие самых разнообразных работ, об исследовании религиозно-политического экстремизма под прикрытием ислама,

говорить о завершении этого процесса представляется преждевременным. Более того, анализ научной разработанности показывает, что религиозно-политический экстремизм, как идеология и политическая практика радикальной салафийи, представляет довольно *просторную нишу* для дальнейших исследований, особенно в связи с изучением эндогенных и экзогенных факторов радикализации салафитских групп, действующих на Северо-Восточном Кавказе. Ряд тем, по-прежнему, носят дискуссионный характер: трактовка базовых понятий (салафийа, ваххабизм, исламский радикализм, экстремизм, ислаимзм, фундаментализм); социальная сущность религиозно-политического экстремизма; уровень угроз и вызовов, обусловленных консолидацией экстремистского движения. Следует также ответить на вопросы о причинах всплеск экстремизма, этапах и тенденциях эволюции экстремистского и милитаристского мышления, облеченного в исламскую оболочку.

Наличие дискуссионных и неисследованных вопросов придает теме проблемный характер и позволяет поставить вопрос о сущности религиозно-политического экстремизма, прикрывающегося исламом, в современных специфических условиях Республики Дагестан.

Методологическая и теоретическая основа диссертации. Методология исследования обусловлена особенностями предмета, изучение которого предполагает использование накопленных знаний в области гуманитарных дисциплин – политологии, истории и социологии. Рассмотрение религиозно-политического экстремизма под исламским прикрытием, как сложного и многомерного социально-политического явления, предполагает раскрытие его догматических, философских и исторических предпосылок.

В решении поставленных задач использованы методы структурно-функционального анализа для выявления соотношения общих и

локальных особенностей идеологии и практики религиозно-политического экстремизма в различных исторических, географических и геополитических условиях. В работе также использован сравнительный метод (при характеристике распространения экстремизма в различных регионах Северо-Восточного Кавказа и Дагестана). В исследовании документальных источников широко применялся метод контент-анализа изучаемых текстов.

На стадии эмпирических исследований использованы такие методы как интервьюирование экспертов, мнение очевидцев, свидетелей, участников тех или иных событий. Опирался на статистические данные, анкетные опросы представителей разных групп, вовлеченных в исследуемые процессы.

Объект диссертационного исследования: современный религиозно-политический экстремизм.

Предмет исследования: религиозно-политический экстремизм, как идеология и практика радикальной салафитии на Северо-Восточном Кавказе.

Цель диссертационного исследования: определить сущность исламского религиозно-политического экстремизма современного Дагестана, выявить его идеологическую основу, раскрыть содержание политической (террористической) практики.

Задачи исследования:

- на основе методологических подходов к исследованию религиозно-политического экстремизма дать определение понятию религиозно-политического экстремизма (под прикрытием ислама).
- выявить причины возникновения идейных противоречий радикальной салафитии с традиционным исламом в контексте возрожденческих процессов в исламе на Северо-Восточном Кавказе;

- определить особенности появления, расширения и распространения религиозно-политического экстремизма в регионе;
- проследить процесс эволюции идеологии радикальных салафитских групп;
- определить факторы радикализации религиозных салафитских групп, выявить причины их перехода с умеренно-радикальных на экстремистские позиции;
- исследовать специфическую террористическую практику ультрарадикальных религиозно-политических групп (на примере деятельности т.н. джамаатов «Дженнет» и «Шариат»).

Научная новизна диссертационного исследования:

- предложено авторское определение понятия «религиозно-политический экстремизм (под прикрытием ислама)»;
- доказано, что возникновение идейных противоречий салафийи (суннитского фундаментализма) с традиционным в регионе исламом было предопределено принципиальными различиями в толковании догматических положений, содержащихся в сакральных источниках мусульманства, а также политическими и иными амбициями лидеров противостоящих сторон;
- показано, что салафитское движение в Дагестане изначально включало в себя два крыла: умеренно-радикальное и ультра-радикальное (экстремистское), однако, в силу ряда объективных и субъективных факторов к концу 90-х гг. XX в. оно практически трансформировалось в экстремистское течение;
- отмечено, что региональная салафийя в исследуемый период эволюционировала в сторону усиления позиций такфиритов и джихадистов и оказалась не в состоянии предложить собственную идеологическую доктрину, привлекая в этих целях теоретические наработки зарубежных единомышленников;

- определены ключевые и второстепенные факторы радикализации салафитских групп, выявлены причины их дрейфа к экстремизму;
- проанализирована специфика террористической практики ультра-радикальной салафитии (на примере т.н. джамаатов «Дженнет» и «Шариат»).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. «Рабочее» определение этого понятия, которое является методологическим конструктом диссертационного исследования, сводится к следующим принципиальным критериям: *во-первых – это такфиритская идеология (обвинение в неверии всех, кто эту идеологию не разделяет); во-вторых, – основанная на этой идеологии специфическая диверсионно-террористическая практика, ложно определяемая носителями идеологии такфира, как джихад (священная война за веру).*

2. Процессы реисламизации (возрождения) на Северо-Восточном Кавказе характеризуются активностью противоборства двух ключевых направлений – традиционализма в форме суфийского тарикатизма и салафизма («ваххабизма», а точнее – квазиваххабизма или неоваххабизма). Адепты возрожденчества (салафиты), начиная с 1990-х гг., проводили целенаправленную политику конфронтации по отношению к традиционалистам, и особенно – к представителям официального ислама, политику обвинения их в неверии (такфир), отказываясь при этом от диалога с государственной властью. В свою очередь, традиционалисты приняли вызов салафитов, что предопределило эскалацию напряженности между идеологическими противниками, а это, в свою очередь, не могло не привести к прямому столкновению сторон.

3. В северокавказском регионе религиозно-политический экстремизм под исламским прикрытием прошел длительный путь эволюционного

развития, базируясь на прочной основе соответствующих идеологических доктрин. Вместе с тем, «северокавказские ваххабиты» так и не смогли выработать собственных стройных теоретических концепций и изначально использовали в целях мобилизации адептов-единомышленников и оправдания своих действий привнесенные из-за рубежа идеологии. Несмотря на то, что первоначально в регионе были популярны идеи умеренно-радикальных авторов (ал-Маудуди, ал-Ашмави, Ю.ал-Карадави и др.), в последнее время более распространенными и востребованными в силу своей простоты и четкого видения мира по принципу «мы – они», стали взгляды и произведения ультра-радикалов (Д.Зину, А.аз-Завахири, А.М.аз-Заркави и др.). Разрушающая активность местных радикальных салафитов базировалась, и сегодня основывается на привнесенных извне идеях. Подавляющее число местных боевиков усваивает их в упрощенной форме в виде бесспорных для них идеологем и слоганов.

4. После раскола салафитского ислама на умеренный и радикальный (ультра-радикальный) стал необратимым процесс расхождения их идейных положений и стратегии. Изначально имела место стадия «мягкого» конфликта и недопонимания целей и задач друг друга в северокавказском салафизме. Затем события постепенно эволюционировали в открытое противостояние багаудиновцев с одной стороны и т.н. тарикатистов и властей, объединившихся в союз, с другой. Это противостояние и взаимные обвинения во всех смертных грехах, способствовало еще большему нагнетанию напряженности и усилению вектора эволюции в сторону радикализации салафизма, который тогда уже практически полностью позиционировался со сторонниками Багауддина Мухаммада. Силовое давление и соприкосновение сил и средств властей и радикальных салафитов еще более укрепило идейные позиции Джамаата и убедило ультра-радикалов

в необходимости ведения джихада с *партией шайтана*. После августа 1999 г. радикальное салафитское движение ушло в подполье и рассеялось по территории Северного Кавказа, частью влившись в отряды полевых командиров Ичкерии, судьба которой также была предпрешена новой кавказской политикой России.

5. Радикализации мусульманских (салафитских) групп способствует не всегда умелая политика федеральных, региональных власти, действия официального духовенства. Серьезным очагом, катализирующим экстремистско-террористические акции и действия ультра-радикалов, остаются военные действия в Чеченской Республике, перенос боевой и террористической активности в другие регионы Южного федерального округа. Этот фактор наличия постоянно тлеющих военных операций является важным и ключевым. С этим «милитаристским» фактором неразрывно связаны явления, события и факты многочисленных нарушений прав человека, заключающихся в специфике ведения борьбы с террористическим подпольем. В этом ряду т.н. зачистки, спецоперации, боевые операции, в результате которых зачастую не соблюдаются элементарные человеческие права и свободы.

Второстепенным фактором радикализации являются социально-экономические предпосылки: безработица, нищета, маргинализация, которые создают благодатную базу для прихода молодежи под знамена экстремистки настроенных группировок и террористических джамаатов.

6. Террористические группы – так называемые «*джамааты*» - сформировались на северокавказском политическом пространстве, как под влиянием эндогенных (социально-экономическое состояние дагестанского общества, негативные проявления во внутривнутриполитической жизни республики), так и экзогенных факторов (геополитическая экспансия Запада, попытка реализации арабо-исламистского проекта, события в Чечне). За последние два года наметилась тенденция к

консолидации небольших бандгрупп, осуществляющих диверсионно-террористическую деятельность, изменению их тактики, объектов устремлений, усилилась их автономность, наблюдается все меньшая зависимость от международных террористических центров и организаций. В Дагестане активную диверсионно-террористическую деятельность развернула группировка «Шариат», которая ставила своей целью подрыв существующей политической системы и установление шариата в республике. В этом террористическом «джамаате» принимали участие в качестве боевиков, как ветераны «чеченской войны», так и экстремистки настроенная молодежь городов и районов Дагестана.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его результаты и выводы могут быть использованы в процессе дальнейшей разработки теоретических проблем взаимоотношений ислама и государства, места и роли различных мусульманских групп и течений, в том числе и салафитской направленности. В работе определена сущность религиозно-политического экстремизма, дана характеристика разным направлениям салафийи, показаны процессы трансформации и распада, наметившиеся в салафитском движении.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что возможно использование некоторых положений исследования при подготовке предложений для государственных структур, занимающихся проблемами противодействия и профилактики явлениям религиозно-политического экстремизма. Они могут, несомненно, представить интерес не только для научного сообщества, но и для практических работников, реализующих государственную и региональную политику в специфических условиях северокавказского региона. Материалы исследования могут быть использованы при чтении курса «Религиозный и религиозно-политический экстремизм на

Северном Кавказе и в мире», «Проблемы салафизма и ваххабизма», «Сущность религиозного экстремизма под исламским прикрытием».

Апробация диссертации. Диссертационное исследование обсуждено на заседании Ученого совета Регионального центра этнополитических исследований при Дагестанском научном центре РАН и рекомендовано к защите по специальности 23.00.02 – Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии. Основные результаты исследования обсуждались, во время участия в пяти научных конференциях и семинарах, ряде публицистических статей, которые были опубликованы в некоторых печатных СМИ Дагестана, а также на курсе лекций по религиозному экстремизму в ходе работы школы-семинара молодых политологов при ДНЦ РАН в 2004-2005 гг. (Махачкала). Основные положения диссертационной работы изложены в шести научных публикациях, в том числе одной монографии, общий объем которых достигает 7,5 печатных листа.

Объем и структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, каждая из которых разделена на два параграфа, заключения и библиографического списка использованной литературы, состоящего из 233 наименований источников. Общий объем диссертации 167 страниц машинописного текста.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, формулируются цели и конкретные задачи исследования, раскрывается его практическая значимость и научная новизна. Хронологические рамки рассматриваемого периода – 1991-2005 гг.

Первая глава «Реисламизация на Северо-Восточном Кавказе: методология политологического исследования» посвящена определению основных методологических подходов к исследованию религиозно-политического экстремизма, используемым при этом понятиям, характеристике и особенностям процессов исламского возрождения на Северо-Восточном Кавказе.

В первом параграфе «Основные методологические подходы к исследованию религиозно-политического экстремизма и используемые понятия» рассматриваются подходы современных российских и зарубежных авторов в исследовании проблем ислама и исламизма, в целом, и их развитии на российском Кавказе, в частности. Анализируется содержание используемых терминов. Показывается терминологическая трансформация в наименованиях религиозно-политических фигурантов и социальных групп в рамках региональной реисламизации.

В рамках рассмотрения идейных течений в исламе, используемых в исследовании в качестве основного методологического подхода, последовательно рассматриваются понятия «традиционализм», «модернизм», «фундаментализм» (в суннитском исламе – «салафийя», частным видом которой выступает т.н. «ваххабизм»), а далее – «исламизм» (умеренный и радикальный), «экстремизм» и «терроризм».

Показано, что понятие «ваххабизм», имеющее отрицательную смысловую нагрузку, может играть роль политического и религиозного ярлыка. По истечении определенного времени с начала исламского возрождения становится очевидным тот факт, что термин «ваххабизм», являясь большей частью политическим новшеством, именно в России используется с особым негативным подтекстом. Термин «ваххабизм» стал на постсоветском пространстве, а в особенности на Северном Кавказе, маркером высшей степени исламской угрозы.

Одновременно практически синонимом «ваххабизма» в регионе стал «экстремизм». Однако экстремизм не есть проявление ислама или какого-либо направления, толка или идейного течения в этой мировой религии. Экстремизм понимается в большей степени (и в первую очередь, в ходе анализа новейшей северокавказской истории), как крайняя реакция на направленное политическое или социальное возмущение. Экстремизм воспринимается, как процесс трансформации идеологической платформы социальной или социально-политической организации, испытывающей на себе определенное и разное по степени давление иных социальных (социально-политических) групп.

В связи с разночтениями, имеющими место в современной науке, относительно предмета нашего исследования предлагается следующее его рабочее определение: *религиозно-политический экстремизм под исламским прикрытием - это такфиритская идеология (обвинение в неверии всех, кто эту идеологию не разделяет) и основанная на ней специфическая диверсионно-террористическая практика, ложно определяемая носителями идеологии такфира, как джихад (священная война за веру).*

Во втором параграфе «Возрожденческие процессы на Северо-Восточном Кавказе: возникновение идейных противоречий салафий с традиционным и официальным исламом» рассматривается ход регионального процесса исламского возрождения, обусловившего ожесточенное противостояние двух групп – сегментов реислаимизации. Показано, в каких условиях нарастал антагонизм т.н. «ваххабизма» и тарикатизма, а также каким образом протекает процесс усиления противостояния этих субъектов исламского движения в регионе. Дается обстоятельный анализ суфийского ислама, который также фрагментирован и находится в стадии разрешения практически неразрешимых проблем. Приводится структура религиозного организма,

которая понимается как большая социально-политическая группа, порой с диаметрально противоположным мнением на одни и те же явления и события. Рассматриваются группировки дагестанского тариката, шейхи – реальные и номинальные, взаимоотношения между ними на разных стадиях развития. Дается характеристика основным идеологам и деятелям дагестанского традиционного ислама, их роли в усилении или ослаблении процессов религиозно-политического экстремизма.

Проводится анализ современной религиозной ситуации, одновременно рассматривается наметившийся отнюдь не конструктивный диалог между так называемыми «традиционалистами» и «фундаменталистами». Предпринимается попытка разобраться в межмусульманском конфликте с точки зрения реальной политики. Кроме того, показывается, что фрагментированность северокавказского ислама усугубляется различием идей, методов и методик, к которым прибегают самые разные группы, как в салафитском, так и в тарикатском исламе.

Так, среди суфийских шейхов нет единомыслия, здесь «первую скрипку» играет устаз Саид-апанди Ацаев (Чиркейский), другие шейхи тарикатов либо проявляют в отношении к нему легкую неприязнь, либо лояльны к нему, либо - сотрудничают. Салафийа, же безоговорочно представляется в глазах ДУМД как «явный враг» ислама.

Во второй главе «Религиозно-политический экстремизм: идеология ультрарадикальной салафийи» приводятся различные идеологические доктрины салафийи. Идеология экстремизма сформировалась на мусульманском Востоке в постколониальный период, а именно в XX в., когда деятельность исламистских организаций начала переживать период кризиса стратегий и методик. Выделились ультра-радикальные, фактически экстремистские группы, которые усилили прежние идеологические установки, представив некоторые из

них в новой ксенофобской интерпретации. Каждую идеологическую доктрину и даже идеологему авторы подкрепляют доводами и ссылками на авторитетных мусульманских ученых - Ибн Таймийя, Ибн Касира, Аль-Куртуби, Ан-Навави и др.

Первый параграф «Особенности развития религиозно-политического экстремизма на Северо-Восточном Кавказе» рассматривает пути развития ислама салафитского плана на северокавказском общественно-политическом поле. Каков религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе, в чем его актуальность, какие процессы он аккумулирует, кто является проводником экстремизма, а кто катализирует эти процессы? На все эти вопросы дается ответ согласно историческому, социальному и политическому обрамлению явлений в жизни религиозного организма. Показана окончательная трансформация и оформление радикальной салафийи, которая, порвав с традиционными исламскими структурами и потеряв связь с официальной властью, приступила, с одной стороны, к формированию собственных политических структур, с другой стороны, подошла к полному изоляционизму и закрытости, проповедуя антироссийские и антисветские лозунги и идеи. Ультра-радикальные салафиты, или неоваххабиты, в своих идеологических, ревизионистских устремлениях подошли, пожалуй, к самому дебатлируемому и спорному понятию в исламе, а именно концепции *такфира* - обвинения в неверии. Молодые, ангажированные адепты радикального салафитского движения начали идеологический «штурм» своих односельчан, родственников, обвиняя их в различных формах неверия и отхода от собственно исламского ядра. Все это привело к резкому недовольству общества и, в частности, сельских джамаатов, в отношении всей идеологии салафизма.

В свою очередь, антитарикатские и антигосударственные программные тезисы и выступления радикальных салафитов сплачивали власть и официальное духовенство в противостоянии и борьбе с ними. Кроме того, распространение салафитской идеологии, хотя и вызывало противодействие большинства населения, но некоторая малая часть дагестанского общества испытывала по отношению к ней сочувствие и поддержку, если и не принимала прямое участие в движении.

Также рассматривается наметившееся размежевание в салафитском движении и дальнейший раскол на умеренное и ультра-радикальное направления.

Во втором параграфе: «Эволюция идеологии и практики и радикальной салафии в регионе» прослеживаются эволюционно-трансформационные процессы в салафитском движении и окончательное выделение в нем ультра-радикального крыла. Показывается существование и оформление в самом ультра-радикальном (или экстремистском) салаfizме двух блоков – это Карамахинский анклав, как воплощение салафитского (неоваххабитского) квазигосударства и Кизилюртовский Джамаат, составивший ядро Исламского Джамаата Дагестана (ИДД), с достаточно харизматическим лидером Багауддином Мухаммадом. ИДД в 1996-97гг. поэтапно совершил исход – *хиджру* - в соседнюю Чеченскую Республику Ичкерия. Эти два блока в разной степени позиционировали себя в отношении к государству, в разных смысловых вариациях проявляли свое отношение к распространению исламских идей, по-разному воспринимали политическую доктрину строительства исламского государства.

Представлены исторически зафиксированные действия радикальных салафитов, основанные на их программных идеологических доктринах. В частности, приводится пример весьма

специфической (боевой и диверсионно-террористической) деятельности вооруженной «бригады» Багауддина Мухаммада, предпринявшей 4 августа 1999 г. попытки по установлению шариата в Цумадинском районе и организации там еще одного анклава по примеру Карамахинского.

События 1999 г.: боевые действия в Ботлихском районе и дальнейшее репрессивное давление со стороны власти окончательно разрушили ИДД и разочаровали тех его сторонников, которые ждали его с победой у себя в аулах.

Вместе с тем, силовые структуры государства реагировали не всегда адекватно на процесс радикализации «джамаатов», открыто занимая позицию тарикатского ислама, что не могло не настроить резко отрицательно представителей салафийи в отношении органов государственной власти и ее силовых блоков. Иногда власть в отношении салафитских (карамахинских) групп занимала выжидательную позицию, порой имело место открытое давление. В целом, государственная политика властей в отношении салафизма была непоследовательна. Ею не были выработаны какие-то приоритеты, не соблюдался конституционный принцип о свободе совести и вероисповедания.

В этом же параграфе анализируются события 1999 г., которые предрешили дальнейшее развитие единственного салафитского анклава на постсоветском пространстве - на территории Северного Кавказа. Вначале - вторжение НВФ с территории Чеченской Республики на территорию сс.Ансалта, Шодрода и Рахата Ботлихского района Дагестана. Затем, двухнедельное затишье перед «бурей», боевые действия, уничтожение карамахинского «эмирата».

Показана реакция властей и, в частности, МВД РД и его подразделений и управлений (одно из них УБЭиУТ) на действия

салафитских и вооруженных террористических и диверсионных отрядов. Так, после 1999 г. начались преследования членов «джамаатов», как карамахинского, так и ИДД (преимущественно аварского /цумадинского/). Кроме того, под силовой пресс попала и салафитская молодежь в городах Махачкала, Кизилюрт, Буйнакс, Хасавюрт. Зачистки и спецоперации проводились в Цумадинском, Цунтинском, Ботлихском, Буйнакском, Гунибском и других районах и городах РД.

Практически весь салафитский сегмент исламского возрождения в республике, так или иначе (не всегда обоснованно) подвергся давлению спецслужб и МВД РД. В исследовании приводятся реальные примеры событий 1999 г., которые привели к ускоренной радикализации части республиканского социума. Безусловно, все это породило массу недовольных молодых людей и подготовило «сырье и материал» для тех событий, которые имели место (и продолжаются) в 2002-2005гг. на Северно-Восточном Кавказе. Исламистская масса ушла в глубокое подполье, законспирировалась, а остатки «джамаатов» осели в Чеченской Республике, влившись в вооруженные бригады различных полевых командиров.

В итоге, подкрепляется рабочее определение религиозно-политического экстремизма как идеологии, которая проявляется в ультра-радикальной концепции такфира (обвинения в безбожии). Здесь же отчетливо проявляется отношение радикалов к неисламскому миру, как к альянсу антиисламского сговора. Идеология ультра-радикальной салафитии обуславливает специфическую практику, вполне отчетливо реализуемую в форме диверсионных и подрывных действий членами исламистских «джамаатов», по сути, являющихся диверсионно-террористическими группировками.

В третьей главе «Процессы радикализации религиозных групп и специфика политической практики радикальной салафий» рассматривается процесс зарождения и развития вспышек и рецидивов агрессии, экстремистских действий исламистов-радикалов, радикальных фундаменталистов и чеченских боевиков. Несомненно, салафитская идея ярче и живее реагирует на давление извне, со стороны зарубежных неправительственных религиозно-политических организаций, а также на попытки государства вогнать это движение в узкое русло культурного течения, или действия духовенства дискредитировать его всеми имеющимися ресурсами, используя при этом один сильный рычаг давления (административно-силовой) с целью окончательного удушения этого движения. Другой метод давления - это идеолого-пропагандистская деятельность через СМИ и, в первую очередь, путем организации цикла передач на официальном дагестанском ТВ и подконтрольные печатные СМИ- «Ассалам», «НУР уль-Ислам». Борьба за влияние на умы дагестанцев завершилась после 1999 г. почти полной победой официального ислама в лице ДУМД. Теперь салафиты («ваххабиты») предстали не просто как «шпионы английской разведки», ревизионисты, искажители истины, но и как агрессоры, которые ради своей идеи готовы пролить кровь мусульман и убивать их.

Первый параграф «Факторы радикализации религиозных салафитских групп: причины перехода с умеренно-радикальных на экстремистские позиции» рассматривает социальные мотивы религиозно-политического экстремизма. Социальное, в данном случае, выступает отражением как общественных, так и нравственных, семейных, традиционных элементов реализации и идентификации социальных групп, в частности религиозных. Речь идет большей частью о явлениях радикализации и проявлениях экстремизма в потенциально

религиозных (прорелигиозных) и прочих группах, где влияние ислама не ограничено семейной вертикалью социализации.

Социальная мотивация религиозно-политического экстремизма подразделяется на *социально-экономические и социально-этические предпосылки*.

В первую категорию предпосылок входят причины преимущественно экономического плана: безработица, нищета, неустроенность, социальная незащищенность. Опасной является она в проявлениях среди молодежных групп, когда происходит вращение в социум, наблюдается объективная необходимость сцементировать социализацию, занять какую-либо нишу в обществе. Соответственно, за этим следует определенный психологический настрой, критическая оценка и восприятие религиозной молодежью государственной власти, как изначального гаранта обеспечения защиты социальных прав, который утрачивает свою роль, а потому должен быть заменен на иную идеолого-политическую систему, в данном случае исламистскую (фундаменталистскую) в ярком салафитском воплощении.

Другой категорией предпосылок, которые также формируют ультра-радикальный (экстремистский) подход в реализации религиозных установок, выступают социально-этические. Их «жертвами» являются религиозно практикующие мусульмане (в особенности молодая часть), которые, испытывая определенное противодействие со стороны властей и силовых структур, также склоняются в сторону жестких методов во взаимоотношениях с государственными структурами. Этика здесь подразумевает синтез традиционных, исламских, тухумных, местнических и прочих положений.

«Горский синкретизм», представляющий собой конгломерат различных слоев этико-культурных и социо-нравственных норм и

адатов, является мощнейшим вызовом на пути к проявлениям экстремизма, как во многом объективного явления. Именно в этом воплощении он достаточно объективен и для его локализации необходимо привлекать не только репрессивный аппарат государства и его силовых структур (МВД, ФСБ, ГРУ), но и, прежде всего, необходимо работать на упреждение именно этой формы проявления экстремизма, на стадии его разрастания. Для этого необходима выверенная политика федерального и республиканского центров, с учетом имеющегося в распоряжении многовекового опыта развития российско-кавказских взаимоотношений.

Во втором параграфе «Террористическая практика ультра-радикальной салафийи (на примере джамаатов «Шариат» и «Дженнет»))» рассматривается деятельность экстремистских группировок, которые пошли по пути диверсионно-вооруженного сопротивления *системе власти* (не просто конкретному режиму). Государственная политика и идеологические послы образовали горячий материал для дальнейшей динамичной радикализации исламистской и симпатизирующей ей молодежи в Дагестане, Чечне, в других республиках Северного Кавказа.

Реальным доказательством и отзвуком этой политики явились события последних лет в Дагестане, когда в республике, граничащей с беспокойной Чечней, получили свое оформление и развитие террористические группировки – т.н. «Джамаат Шариат» и «Джамаат Дженнет». Они проводили политику планомерного «отстрела» и диверсионных актов в отношении военнослужащих, представителей милиции и спецслужб. Тенденциозную динамику эти события получили с начала убийства Ахбердилава Акилова – начальника Управления по борьбе с экстремизмом и уголовным терроризмом (УБЭиУТ) в 2002 г. в Махачкале.

При этом декларируемое целедостижение не только весьма аморфно (шариат), но и растянуто во времени и пространстве. Поэтому не представляется возможным адекватно воспринимать заявления представителей террористического подполья. Однако сквозь исламистскую риторику и кораническое обрамление, сопровождающее каждый теракт, проглядывает основная достигнутая террористами цель, а именно: дестабилизация ситуации в Дагестане и вовлечение его в орбиту чеченского конфликта.

Дагестан, несмотря на достаточное наличие представителей самых разнообразных силовых структур, явился неким «сектором взрыва» на линии расширяющего фронта борьбы с международным терроризмом.

В **Заключении** подведены итоги исследования и сделаны обобщающие выводы, соответственно поставленным задачам и целям. Представлен также набор некоторых, самых неотложных мер по локализации террористической активности радикальных салафитов.

III. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

1. Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе: идеология и практика (на материалах Республики Дагестан). – Ростов н/Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2006. - 156 с.

2. Курбанов Х.Т. Роль американских СМИ в экспансионистской политике США // Проблемы и тенденции развития глобальных, национальных и региональных СМИ: Материалы региональной научно-практической конференции. – Махачкала: 2004. – С. 75-78.

3. Курбанов Х.Т. Механизмы формирования контр-этносов в этнополитических конфликтах // Научное обозрение: Сборник статей

ассоциации молодых ученых. Вып. 2. – Махачкала: Народы Дагестана, 2004. – С. 126-127.

4. Курбанов Х.Т. Роль и место исламской молодежи в развитии и расколе салафитского движения на Северо-Восточном Кавказе // Молодежь Юга России: положение, проблемы, перспективы / Южнороссийское обозрение. Вып. 31. – Ростов н/Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2005. – С. 124-136.

5. Курбанов Х.Т. Возрожденческие процессы на Северо-Восточном Кавказе: возникновение идейных противоречий салафийи с традиционным и официальным исламом // Научное обозрение: Сборник статей ассоциации молодых ученых Дагестана. – Махачкала: Народы Дагестана, 2006. – С. 114-117.

6. Добаев И.П., Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм - идеология ультрарадикальной салафийи // Роль идеологии в трансформационных процессах в России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции - Ростов н/Дону: Издательство РГУ, 2006. - С. 26-33.

7. *Hanjan Kurbanov*. Terrorist practices of ultra-radical salafi in Daghestan (Case Study of the Jennet and Shari'a Jamaats) // Central Asia and the Caucasus – 2006. № 2.

2006A
9911

№ - 9911

Формат 60*84/16 Бумага офсетная Гарнитура «Times»
Печать цифровая Уч изд л 1,2 Тираж 150 экз Заказ № 0106

ООО «Издательский дом Наука плюс»
367008, РД, г Махачкала ул Дзержинского, 12
Тел 90-49-64, 8 928 5228483
e-mail naykaplus@mail.ru